

По мнению Сковороды,
способности
(«сродности»)
появляются у человека:

1. От природы.
2. Благодаря наследственности.
3. Как следствие Божьего промысла.
4. В связи с традициями его народа.

Правильный ответ вы сможете узнать, прочитав эту книгу...

| СОДЕРЖАНИЕ

Мудрому человеку весь мир есть отечество.....5

Весьма немалое дело — познать себя...8

Кольцо 10

**Разговор, называемый Алфавит,
или Букварь мира209**

Григорий Сковорода. Избранные афоризмы 316

Григорий Сковорода
1722—1794

Мудрому человеку весь мир есть отечество...

Григорий Сковорода (1722–1794) родился в селе Чернухи неподалеку от Полтавы, в семье небогатого казака Саввы Сковороды и его жены Пелагеи, в девичестве Шангиревой. Если верить преданиям, мать философа вела свой род от Шан Шагин Гирея, некогда не последнего человека в Крымском ханстве.

В шестнадцать лет для Григория Сковороды начинается период странствий. Его часто сравнивают с «бродячими философами» античной Греции и Средневековья: мыслитель успел побывать певчим в петербургской Капелле и объехать половину Европы, поработать в качестве домашнего учителя и около года прожить в подмосковной Троице-Сергиевой Лавре...

В произведениях Григория Сковороды можно найти «перекличку» с Платоном и Сократом (не зря многие его труды построены в форме диалогов или бесед!), отголоски

пантеизма, отождествляющего Бога и природу. Очень почтительно он относился к философии древних стоиков, увлекался трудами Марка Аврелия и Сенеки.

Более всего философа занимали вопросы познания, природы человека, поиска истины... Все те же «вечные» вопросы, которые не теряют своей актуальности и в наши дни. Григорий Сковорода считал, что путь самопознания не может быть гладким и для понимания природы человеческого существа нужно пройти долгий путь. Вы готовы начать его?

1722 — Григорий Сковорода родился в селе Чернухи под Полтавой.

1738 — начало обучения в Киевской духовной академии (достоверных сведений о годах, проведенных там, у исследователей нет).

1742 — Сковорода приезжает в Санкт-Петербург в качестве придворного певчего.

1744 — предположительно возвращение в духовную академию.

Конец 1740-х — 1750 — путешествия по Европе.

1755–1756 — пребывание в Москве и Троице-Сергиевой Лавре.

1775 — издание диалогов «Кольцо. Дружеский разговор о душевном мире» и «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира».

1787 — написаны притчи «Благодарный Еродий» и «Убогий жаворонок».

1791 — написан философский диалог «Потоп змиин».

1794 — философ скончался в селе Ивановка Харьковской губернии.

Весьма немалое дело — познать себя...

Противники еще при жизни называли Григория Сковороду «врагом церкви», причисляли к масонам, пытались уличить в еретичестве...

Литературное наследие философа очень разнообразно: он писал о самопознании («Асхань, или Симфония о познании себя самого»), о сущности мира и Вселенной («Диалог, или Разглагол о древнем мире»), о проблемах веры и богословия («Израильский змий», «Начальная дверь ко христианскому благонравию»).

Мы хотим предложить вашему вниманию два произведения, которые многие исследователи называют определяющими для всей системы Григория Сковороды. Это «Кольцо. Дружеский разговор о душевном мире» и «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира», созданные в 1775 году. Оба посвящены близкому другу философа — воронежскому помещику Владимиру Степановичу Тевяшову. Они построены в форме диалогов и посвящены толкованиям Священного писания,

исследованию «человеческой природы», процессу познания мира, достижению счастья... Особое место занимает в системе мыслителя понятие «сродности» — то есть соответствие жизни человека его природе, следование своему предназначению.

Был ли Григорий Сковорода еретиком? Нет — он был истинным философом, стремившимся познать и объединить все лучшее, что было сделано его предшественниками за многие годы.

Кольцо

Милостивому государю Владимиру

Степановичу, его благородию Тевяшову

Милостивый государь!

Идут к вам два разговора, жаждущие вашего лицезрения. Удостоите их своего приятия. Они уже прежде рождения своего определены доброму Вашему духу. Почтение мое к человеколюбному и кротчайшему батюшке Вашему, усердие мое к Вам и доброжелательство к целой фамилии Вашей приносит оные. Душа есть *mobile regretuum* — *движимость непрерывная*. Крылья ее есть мысли, мнения, советы; она или желает чего, или убегает от чего; желая, любит, убегая, боится. Если не знает, чего желать, а от чего убегать, тогда недоумевает, сомневается, мучится, сюда и туда наш шарик качается, мечется и вертится, как магнитная стрела, доколь не устремит взор свой в дражайшую точку холодного севера.

Так и душа, наконец, когда нашла того, кого нигде нет и везде есть, счастлива. Сей один довлеет ее насытить, а без сего глотает воздух с поедющим все дни жизни своей землю змием.

Мнения подобны воздуху, он между стихиями не виден, но тверже земли, а сильнее воды; ломает деревья, низвергает строения, гонит волны и корабли, ест железо и камень, тушит и разъяряет пламень.

Так и мысли сердечные — они не видны, как будто их нет, но от сей искры весь пожар, мятеж и сокрушение, от сего зерна зависит целое жизни нашей дерево; если зерно доброе — добрыми (в старости наипаче) наслаждаемся плодами; как сеешь, так и жнешь.

Весьма я рад буду, если сия книжечка в прогнании только нескольких дней скуки послужит, но как я доволен, если она хоть в капле внутреннего мира поспособствует. Вседражайший сердечный мир подобен самым драгоценным камушкам: одна крошечка цену свою имеет, если станем его одну каплю щадить, только можем со временем иметь целую чашу спасения.

Разлив мысли наши по одним наружным попечениям, и не помышляем о душе, не рассуждая, что от нее всякое дело и слово проистекает, а если семя злое, нельзя не последовать худым плодам, все нас сырых оставит, кроме сего неотъемлемого сокровища.

Представьте себе смесь людей во всю жизнь, а паче в кончину лет своих, тоскою, малодушием, отвержением утех, задумчивою грустью, печалью, страхом, среди изобилия отчаянием без ослабления мучащихся, и вспомните, что все сие зло и родное несчастье родилось от преслушания сих Христовых слов: «Ищите прежде царствия Божия...» «Возвратись в дом твой...» «Царствие Божие внутри вас есть...» «Омой прежде внутренность стакана...»

Но благодарение Всевышнему за то, что никогда не бывает поздний труд в том, что для человека есть самонужнейшее.

Царствие Божие вдруг, как молния, озаряет душу, и для приобретения *веры* надобен один только пункт времени.

Дай Боже, вам читать *слово Божие* со вкусом и примечанием, дабы исполнилось на вас: «Блаженны слышащие слово Божие и хранящие». Другой разговор скоро последует.

А я пребуду, милостивый государь,

***Вашего благородия покорнейший слуга,
любитель священной Библии,
Григорий Сковорода.***

| КОЛЬЦО

ДРУЖЕСКИЙ РАЗГОВОР О ДУШЕВНОМ МИРЕ

Лица: *Афанасий, Иаков, Лонгин, Ермолай,
Григорий*

Григорий. Перестаньте, пожалуйста, дорогие гости мои! Пожалуйста, перестаньте шуметь! Прошу покорно, что за шум и смятение? Один кричит: «Скажи мне силу слова сего: *знай себя*». Другой: «Скажи мне прежде, в чем состоит и что значит премудрость?» Третий вопиет: «Вся премудрость — пустошь без мира». Но знает ли, что есть мир? Тут сумма счастья.

«Слыхали ль вы, братья, — четвертый, вмешавшись, возглашает, — слышали ль вы, что значит египетское чудовище, именуемое сфинкс?» Что за срам, думаю, что такого вздору не было и в самом столпотворении. Сие значит не разговор вести, но, поделавшись ветрами, вздуть волны на Черном море. Если же рассуждать о мире, должно говорить осторожно и мирно. Я мальчиком слышал от знакомого персианина следующую басенку.

Несколько чужестранцев путешествовали в Индии. Рано вставали, спрашивали хозяина о дороге. «Две дороги, — говорил им человеколюбивый старик, — вот вам две дороги, служащие вашему намерению: одна напрямик, а другая с обиняком. Советую держаться обиняка. Не спешите и далее пройдете, будьте осторожны, помните, что вы в Индии». «Батюшка, мы не трусы, — вскричал один остряк, — мы европейцы, мы ездим по всем морям, а земля нам не страшна, вооруженным». Идя несколько часов, нашли кожаный мех с хлебом и такое ж судно с вином, наелись и напились довольно. Отдыхая под камнем, сказал один: «Не даст ли нам Бог другой находки? Кажется, нечто вижу впереди по дороге, взгляните, по ту сторону бездны чернеет что-то...» Один говорит: «Кожаный мешище»; другой угадывал, что обгорелый пнище; иному казался камень, иному город, иному село. Последний угадал точно: они все там посели, нашедши на индийского дракона, все погибли. Спасся один, находясь глупее, но осторожнее. Сей по неким примечаниям и по внутреннему предвещающему ужасу притворился остаться за нуждою на сей

стороне глубочайшей яруги¹ и, услышав страшный умерщвляемых вой, поспешно воротился в сторону, одоббив старинных веков пословицу: «Боязливого сына матери плакать нечего».

Не спорю: будь сия басня недостаточною, но она есть чучело, весьма схожее на житие человеческое.

Земнородный ничем скорее не попадает в несчастье, как скоропостижную наглостью, и скажу с приточником, *« Мысли сердечные — они не видны, как будто их нет, но от сей искры весь пожар, мятеж и сокрушение, от сего зерна зависит целое жизни нашей дерево; если зерно доброе — добрыми (в старости наипаче) наслаждаемся плодами; как сеешь, так и жнешь »*

что не только пожилые, но и самые с них молодчики льстят себе, что они вооружены рогом единорога, спасающим их от несчастна, уповая, что как очам их очки, так свет и совет не нужен сердцу их.

Сия надежда сделала их оплошными, наглыми в путях своих и упрямыми.

¹ Яруг — овраг. — Прим. ред.

А если мой молокососный мудрец делается двух или трех языков попугаем, побывав в знатных компаниях и в славных городах, если вооружится арифметикою и геометрическими кубами, пролетев несколько десятков любовных историй и гражданских и проглянув некоторое число коперниканских пилюль? Во время оно Платоны, Солоны, Сократы, Пифагоры, Цицероны и вся древность суть одни только мотыльки, над поверхностью земли летающие, в сравнении нашего высокопарного орла, к неподвижным солнцам возлетающего и все на океане острова пересчитавшего. Тут-то выныряют хвалители, проповедующие и удивляющиеся новорожденной в его мозге премудрости, утаенной от всех древних и непросвещенных веков, без которой, однако, не худо жизнь проживалась. Тогда-то уже всех древних веков речения великий сей Дий пересуживает и, будто ювелир камушки, по своему благоволению то одобряет, то обесценивает, сделавшись вселенским судьею. А что уже касается Мойсея и пророков — и говорить нечего; он и взгляда своего не достаивает сих вздорных и скучных говорунов; сожалеет будто бы о ночных птичках и нетопырях, в несчастный